

2. *Еремин И.П.* Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Полоцкий С. Избранные произведения. – М., 2004.

3. *Зорин А.Н.* К проблеме генезиса изобразительных элементов в текстах ранней русской драматургии // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – М., 2013. – № 1. – С. 45–50.

4. *Истомин К.* Книга любви знак в честен брак: Эмблематическая поэма в стиле русского барокко, объединяющая искусство слова и изображения. Преподнесена Петру I и Евдокии Лопухиной по случаю их бракосочетания. – М., 1989.

5. *Лихачев Д.С.* Избр. раб. В 3 т. – Т.1. – Л., 1987.

6. Первые пьесы русского театра / Под ред. А.Н. Робинсона. – М., 1972.

7. *Пыляев М.И.* Старое житье. – М., 1990.

8. *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. – Кн. 5. – СПб., 1881.

9. *Соколов Б.М.* Художественный язык русского лубка. – М., 2000.

10. *Orgel S.* The Book of the Play // From Performance to Print in Shakespeare's England. Hampshire; N.Y., 2006. PP. 13–54.

В.В.Биткинова

*Саратов, Саратовский государственный
национальный исследовательский университет
имени Н.Г.Чернышевского*

Концепция «Века Просвещения» в поэзии А.Городницкого

В исторической лирике А.Городницкого можно выделить «текст XVIII века», образуемый и структурируемый общей тематикой и проблематикой, системой исторических персонажей, комплексом сквозных мотивов. В этом «тексте», в свою очередь, вычлениаются «петровский» и «екатерининский», имеющие как сходства, так и принципиальные различия в содержании и структуре. Один из признаков, объединяющих времена Петра I и Екатерины II, выражен определением «Эпоха просвещения в России». Традиционно так называют период правления Екатерины II. Но Городницкий этими словами (со значимой вариацией «Начало просвещения в России») начинает три из четырех строф стихотворения «Петровская галерея» [Городницкий 2000:362].

Рассмотрим его концепцию русского «Просвещения» через призму стихотворения «Императрице бросил вызов...» (2002 г.) [Городницкий 2006: 54]. Как большая часть произведений поздней, 1990–2000-х гг., исторической лирики барда, оно содержит в себе важнейшие мотивы предшествующего периода, отличается, несмотря на небольшой объем, особой концентрацией обширного исторического материала, уплотнени-

ем интертекстуальности. Во многом это достигается за счет преобладания ассоциативного принципа «сопряжения времен» над сопоставительным, который характерен для творчества 1960–1980-х годов.

Стихотворение «Императрице бросил вызов...» отчетливо делится пополам: первая часть посвящена XVIII–XIX вв., вторая – современности. Обращенность к настоящему, наряду с идеей связи эпох и повторяемости исторических событий, является одной из важнейших черт исторической лирики Городницкого. Эти же черты он отмечает в творчестве близких ему авторов, в частности, историка Н.Я.Эйдельмана [Городницкий 1993: 482, 499–506].

Основной фактический материал исторической части рассматриваемого стихотворения относится к эпохе Екатерины, петровская в произведение не включается, по два стиха отведено заговору против Павла I и восстанию декабристов. То есть, с точки зрения исторической проблематики, главный вопрос, поставленный здесь, – это верхняя граница «века просвещения».

Содержание первых шестнадцати (из общих тридцати двух) стихов организуется вокруг фигуры Д.И.Фонвизина. Десять – своеобразный очерк его жизни и творчества: «Императрице бросил вызов, / О том ничуть не хлопоча, / Денис Иванович Фонвизин, / Умерший от паралича, / Когда, замыслив дерзновенно / Советовать Фелице, он / В герои вывел Крносфена / Из Александровых времен. / За что подвергнут был опале / И век свой кончил в нищете». События, описанные в следующих стихах: «Меж тем как заговорщик Пален / Уже крадется в темноте», – произошли уже после смерти Фонвизина, но непосредственно связаны с его деятельностью политика. Она нашла отражение в статье Н.Я.Эйдельмана «Где секретная конституция Фонвизина-Панина?» [Эйдельман 1993: 214–226], в которой, кстати, наглядно показана «связь времен». Фонвизин был секретарем и единомышленником Н.И.Панина, автором «Рассуждения о неперемненных государственных законах» – введения к несохранившейся «конституции», которую должен был подписать Павел, взойдя на престол в результате заговора против Екатерины. Заговор был раскрыт, но о «конституции» знали декабристы, о ней рассказывал в своих воспоминаниях, написанных в Сибири, племянник Д.И.Фонвизина М.А.Фонвизин. В песне Городницкого «Гвардейский вальсок», где представлена цепь переворотов, первый куплет описывает убийство Петра III, второй: «От Фелицы, увы, / Мало нам перепало, – / Воспитайте же вы / Цесаревича Павла <...> Вся надежда на вас, / Граф Никита Иванович», – а в третьем речь идет уже о заговоре в пользу Александра I [Городницкий 2000: 274–275].

То есть можно говорить, что «заговорщик Пален» понадобился в какой-то мере из-за неудачи «воспитателя» Панина. В «Императрице бросил вызов...» фрагмент об опале Фонвизина и заговоре Палена составляет одно предложение и связан перекрестной рифмовкой. А разделены эти два события словами «меж тем» и «уже», которые могут обозначать не только противопоставление и, конечно, не хронологическую (формально – одновременность, что не соответствует реальности), а причинно-следственную связь.

В тринадцатом–шестнадцатом стихах подводятся итоги, даются основные характеристики русского XVIII века: «Век просвещенья и злодействия, / Надежд шипучее вино, / Единство времени и действия, / Где власть с поэтом заодно!».

Представление XVIII века как эпохи контрастов имеет давнюю традицию. Чаще всего цитируют «Осьмнадцатое столетье» А.Н.Радищева («столетье безумно и мудро») или «Мелодор к Филалету» Н.М.Карамзина («Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя»). Первую цитату приводит Эйдельман в начале своей книги «Грань веков», о правлении Павла I и заговоре против него [Эйдельман 1982: 5], вторую – в книге о Карамзине «Последний летописец» [Эйдельман 2004: 33]. Городницкий в «Императрице бросил вызов...» находит свою антитезу, с одной стороны, вытекающую из описанных им событий (деятельность писателя-просветителя и заговорщика), а с другой, в полной мере вписывающуюся в традицию таких оппозиций, где второй член подбирается по контрасту с главнейшей «самохарактеристикой» и «мечтой» XVIII века – стать «веком просвещения», «разума», «мудрости».

Устойчивым определением XVIII века является также «театральность». Этот мотив имплицитно присутствует в имени Фонвизина: хотя в рассматриваемом произведении говорится о «Греческой повести» «Каллисфен», в русском культурном сознании Фонвизин, в первую очередь, «сочинитель “Недоросля”». Как вариация «театральности» предстает тема лицемерия власти, несоответствия видимости и сущности, и эти пороки тоже крепче всего «вросли» именно в представления о политике Екатерины II. Примечательно, что в творчестве Городницкого имя «Екатерина» используется только для обозначения исторической и культурной эпохи: «дворцы Екатерины» («Царское село» [Городницкий 2000: 191]), «язык екатерининского века» (одноименное стихотворение [Городницкий 1999: 368]). А саму императрицу поэт называет либо придуманным ею и закрепленным Державиным условно-литературным именем «Фелица», либо окончательно «срывающим маски» «настоящим» именем «Софья»,

«немка Софья» (авторские комментарии к песне «Петр III» [Городницкий 2000: 634], «Родословная Петра» [Городницкий 2000: 551]).

«Единство времени и действия» – перифраза знаменитого правила классицистической драматургии о «трех единствах». В ряде произведений поэт использует другую выведенную из него «формулу» – «единство времени и места». Создание нового смысла происходит по одной и той же модели: слово «единство» относится уже не к каждой категории в отдельности, как в прецедентном тексте, а объединяет два понятия, заменяя их взаимозависимость, неразрывную связь. «Единство времени и места» – это своя эпоха и своя страна, с которыми человек «связан тесно» и «спастись» от которых в иных временах и пространствах нельзя («Спасенье в том, чтоб налегке...» [Городницкий 2000: 314-315]); для поэта же отрыв от своих «места и времени» вообще гибелен («Снова слово старинное “давеча”...» [Городницкий 1999: 302]). «Единство времени и действия», по сути, означает то же самое – обусловленность поступков людей их эпохой. Но, в отличие от первой, эта «формула», благодаря слову «действие», теснее связана с мотивом театра и несет больший колорит прошедших веков, чем универсальные «место» и «время».

Во всех культурно-исторических «текстах» Городницкого одна из важнейших тем – это взаимоотношения власти и интеллигенции. Если говорить о «XVIII веке», то в «петровском тексте», в частности, в связи с фигурой А.Д.Кантемира, основной оказывается проблема «инородцев в России», а в «екатерининском» – конфликт русских «просветителей» с «просвещенной монархией». Наиболее яркий пример – стихотворение «Новиков», где, наряду с заглавным героем, упомянуты еще «верноподданный Херасков» и «негодующий Радищев». Отношение к ним власти выражено в словах «Возраженьям знайте меру, / Не вставайте поперек: / Что позволено Вольтеру, / Вам окажется не впрок!»; вывод – «Трудно спорить, если в споре / Главный довод – кандалы» [Городницкий 2000: 188-189]. К этой когорте «правдолюбцев» присоединяется и Фонвизин. В «Императрице бросил вызов...» акцент делается на общественном пафосе его литературного творчества («бросил вызов», «замыслив дерзновенно / Советовать Фелице»); перечислены самые трагичные факты биографии («паралич», «опала», смерть «в нищете»), и они тоже напрямую связываются с противостоянием власти («За то подвергнут был опале...»). Упомянутый «Каллисфен» – публицистическое произведение о философе, гуманных советов которого правитель «слушал <...> два дни», а потом, вследствие наветов недостойного «любимца» (еще одно знаковое явление времени) и в гневе за то, что тот отказался поклоняться

ему как богу, даже не смог придумать «достойный» «род лютейшей казни» [Фонвизин 1959, II: 28-39].

«Главный» поэт екатерининской эпохи – Г.Р.Державин. В обширном (по количеству произведений втором после «пушкинского») «державинском тексте» Городницкого центральной является тема драматичной судьбы поэта, посвятившего свою жизнь и свое творчество служению государству. Присутствует Державин и в рассматриваемом стихотворении. «Императрица», как видим, названа «державинским» именем «Фелица». «Держновенные советы» монарху в массовом культурном сознании тоже связаны, в первую очередь, именно с ним. Наконец, в финале появляется эта «ожидаемая» фраза (перифраза) из «Памятника» – «властителям лукавым / С улыбкой правду говорить».

Концом «XVIII века», по мнению Городницкого, становится восстание декабристов: «Он оборвется вдруг, в метели, / Морозным утром в декабре». Едва ли не предвещает декабристский финал «века просвещения» имя «Александр», «Александровы времена» в начале стихотворения (хотя там речь идет о Македонском). Именно с подавлением декабристского движения прервались эти характерные отношения власти и интеллигенции, «где власть с поэтом заодно», – единство просветительских целей, порождающее и некое подобие сотрудничества, и большие «надежды». Хотя в целом «текст декабристско-пушкинской эпохи» в творчестве барда по ряду существенных признаков отличается от «текста XVIII века», их пересечения в рамках одного произведения не просто неизбежны, а очень значимы, они взаимно освещают друг друга. В «Императрице бросил вызов...» «обобщающими» строками объединены «заговор» Палена и «морозное утро в декабре». У Эйдельмана есть статья «Пестель и Пален», рассказывающая о двух типах и двух поколениях заговорщиков [Эйдельман 1993: 341-348]. Восстание декабристов – последнее в песне Городницкого «Гвардейский вальсок». Мотив конца «века просвещения» в декабре 1825 г. присутствует в «биографических» произведениях о наиболее заметных его деятелях. Так, «пушки на Сенатской» прерывают труд и (в подтексте, в исторической памяти читателей) саму жизнь Карамзина – историка XIX, но человека XVIII века, мечтающего «придумать <...> Чтобы жили в общем мире / Хлебопашцы и цари»; в этот момент начинается «матерьял» для символического «тринадцатого тома» истории («Карамзин» [Городницкий 2000: 243-244]). Смерть Карамзина в 1826 г., во время следствия над декабристами, воспринимается как «знаковое» событие. Эйдельман конструирует его смысл так: «Опять что-то не сходится в ответе <...> Честному человеку менять свои убеждения –

значит менять жизнь. Если же сил не хватает – умереть» [Эйдельман 2004: 198-199]. В свою очередь, Городницкий вводит мотив декабрьской метели как знак «обрыва истории» в стихотворение на смерть Эйдельмана, названное «Последний летописец» [Городницкий 1999: 280-281]. Державин умер до декабристского восстания, но в произведениях о его последних годах и смерти также присутствуют мотивы «обрыва», смены эпох, а в обрисовке начинающегося века важную роль играют символические образы природных катаклизмов: «густой туман», «поземка воет люто» («Державин» [Городницкий 2008: 85-86], «"Тебе, Жуковский, лиру отдаю"...» [Городницкий 2010: 263]).

Важную роль в «тексте XVIII века» Городницкого играет пушкинский интертекстуальный пласт. «Пушкинский XVIII век» – одна из любимых и блестяще разработанных тем Н.Я.Эйдельмана. Сами описания отношений «просветителей» с Екатериной II не только в «Императрице бросил вызов...», но и в «Новикове» напоминают пассаж из «Заметок по русской истории XVIII века» (Эйдельман определяет их как самый «декабристский» исторический труд Пушкина [Эйдельман 1984: 35-49]): «Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивших первые лучи его, перешел из рук Шешковского в темницу <...> Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами – и Фонвизин <...> не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность» [Пушкин 1965, VIII: 129]. В финале «Императрице бросил вызов...» объединены пушкинское и державинское слово, что само по себе характерно для русского культурного сознания и находит отражение в творчестве Городницкого (особенно в произведениях, разрабатывающих мотив «памятника»). «Властители лукавые» – измененная цитата из так называемой X главы «Евгения Онегина» [Пушкин 1964, V: 209] «властитель слабый и лукавый». Реминисценция этого пушкинского произведения в стихотворении Городницкого вновь актуализирует александровскую и декабристскую темы. «По-пушкински» звучит «надежд шипучее вино» (ср. «подобие того-сего» в «Онегине» и комментарии Ю. М. Лотмана [Лотман 1997: 643-644]), но этот же мотив политических надежд вызывает ассоциации со «Стансами» – «В надежде славы и добра...» [Пушкин 1963, II: 342]. И фрагмент о винах в «Евгении Онегине», и «Стансы» написаны в 1826 г., и содержат, несмотря на свое явное различие, одну и ту же рефлексию о столкновении прежнего, «вольнолюбивого», века с новым, пока обернувшимся только жестокой стороной, но каким в сущности – неизвестно. Поэтому «надежды» возможны, но их уже никак нельзя сравнить с «шипучим вином». «Гвардейский вальсок» Городницкого тоже заканчивается

«...На булыжниках кровь, / Алый туз на одежде, / На наследников вновь / Пребываем в надежде». Пушкинские «Стансы», с одной стороны, много раз подвергались грустно полемическому обыгрыванию не только в произведениях Городницкого, но и, например, Ю. Кима («"В надежде славы и добра / Гляжу вперед..." / Слепой вы, что ли?» [Ким 1990: 78]). А с другой стороны, именно этими словами и, что важно, с полным сочувствием, Городницкий определяет не только концепцию российской истории, но и жизненную позицию «просветителя» Эйдельмана [Городницкий 1993: 489–499, 501; Городницкий 1999: 280–281]. Размышлениям над «Стансами» посвящено много страниц в работах историка.

Вторая часть стихотворения «Императрице бросил вызов...» открыто публицистична: «Уже не раз за это биты, / Преодолеть не в силах страсть, / Спешите, новые пииты, / К стопам правителей припасть. / Пишите до седьмого пота, / Старайтесь, кто во что горазд, / На просвещенного деспота / Рассчитывая в сотый раз. / Наперекор советам здравым, / Разорванную свяжем нить, / Чтоб вновь властителям лукавым / С улыбкой правду говорить!». Мотив «обрыва» перерастает в мотив «воскрешения», «связанной» «нити времен». Высокая поэтическая, в том числе архаичная, лексика, создающая в первой части «речевой портрет» XVIII–XIX вв., здесь призвана подчеркнуть преемственность, стремление «новых пиитов» уподобиться предшественникам. Главная идея стихотворения и авторская позиция находят отражение в смене субъектных отношений по ходу сюжета. Первая часть – рассказ от третьего лица о людях прошлого; потом – обращение к своим современникам («спешите», «пишите», «старайтесь»); наконец – декларативное присоединение к «просветителям» всех времен: «Разорванную свяжем нить, чтоб вновь...».

Литература

1. *Городницкий А.* Гадание по ладони. – СПб., 2006.
2. *Городницкий А.* Коломна. – СПб., 2008.
3. *Городницкий А.* Легенда о доме. – СПб., 2010.
4. *Городницкий А.* След в океане. 2-е изд. – Петрозаводск, 1993.
5. *Городницкий А.* Сочинения. – М., 2000.
6. *Городницкий А.* Стихи и песни. – СПб., 1999.
7. *Ким Ю.* Творческий вечер. – М., 1990.
8. *Лотман Ю.М.* Пушкин. – СПб., 1997.
9. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 3-е изд. – М., 1963–1965.
10. *Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: в 2 т. – М.; Л., 1959.
11. *Эйдельман Н.* Грань веков. – М., 1982.
12. *Эйдельман Н.* Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. – М., 1993.

13. Эйдельман Н. Последний летописец. – М., 2004.

14. Эйдельман Н. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. – М., 1984.

С.А. Васильев

Москва, Московский гуманитарный педагогический институт

Образное переосмысление «Памятника» Г.Р. Державина в поэзии Ю.И. Минералова

Ю.И.Минералов, современный глубочайший знаток и исследователь русской классической литературы¹, особое внимание уделявший в своих работах XVIII в.², Г.Р.Державину³, образно переосмыслял поэзию и стиль этого крупнейшего писателя и в своей творческой литературной деятельности. Его художественная книга «Река времен» прямо строится как масштабная вариация знаменитой последней оды Державина «Река времен в своем стремленьи...», целого ряда других характернейших его произведений – «Бог», «Водопад», «Фелица» и др.

Несомненно, «программной» и этапной для творчества Минералова стала его вариация одной из вечных литературных тем – темы поэтического бессмертия, «памятника», в русской культуре во весь голос зазвучавшей в творчестве Г.Р.Державина:

EXEGI & NON EXEGI MONUMENTUM
(Державин)

Не памятник – сосна поутру рано.
Зима в России вечно с колдовством:
на хвойной ветке – яблоко румяно.
(Не яблоко, снегирь кровь с молоком!)

Воздвиг ли, не воздвиг – увидят позже.
Но злые ненавидят здесь и там.

¹ См. почти полную линейку его учебников по истории русской литературы XVIII – XX вв., выходявших в издательствах «Владос», «Высшая школа», «Студент».

² Минералов Ю.И. Лекции по русской словесности XVIII века // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 1999. Вып.2; 2000. Вып.3. Он же. История русской литературы XVIII. М., 2011 (и предыдущие издания) и др.

³ Минералов Ю.И. Теория художественной словесности. М., 1999.